

**КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
ПО ТОРГОВЛЕ И РАЗВИТИЮ**

ЮНКТАД X

**"Круглый стол" высокого уровня по вопросам торговли и
развития: ориентиры на двадцать первое столетие**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ СОЦИАЛИЗМА И
КАПИТАЛИЗМА И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Distr.
GENERAL

TD(X)/RT.1/3
13 December 1999

RUSSIAN
Original: ENGLISH

ЮНКТАД X

"Круглый стол" высокого уровня по вопросам торговли и развития: ориентиры на двадцать первое столетие

Бангкок, 12 февраля 2000 года

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ СОЦИАЛИЗМА И КАПИТАЛИЗМА И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Подготовлен
г-ном Бернаром Шавансом,
Парижский университет VII, Франция

* В настоящем документе автор высказывает свое мнение, которое необязательно отражает точку зрения секретариата ЮНКТАД.

GE.99-54447 (R)

Исполнительное резюме

Социализм стал рассматриваться в качестве реальной альтернативы капитализму в девятнадцатом веке. Слово "социализм" имело несколько значений: оно характеризовало школу мысли, основанную на критике развивающегося буржуазного общества; под этим словом понималось социально-политическое движение, направленное на проведение реформ, укрепление влияния или завоевание власти; и в то же время оно означало идеальную социально-экономическую систему, которая должна была заменить собой и вытеснить капитализм со всеми его пороками. Несмотря на отсутствие единства во взглядах на эти три стороны социализма, данная теория стала набирать силу во всем мире, особенно в период между 1948 годом и первой мировой войной. В двадцатом столетии связь капитализма и социализма приобрела новое измерение с появлением реальных исторических "социалистических систем", в которых к середине века жила почти треть населения планеты. Эта новая тенденция и определяемая ею параллельная эволюция двух исторических школ национальной экономики - капитализма и социализма, - оказали сильное влияние на три другие стороны (интеллектуальную, политическую и нормативную) социализма, унаследованного с прошлого века, и коренным образом изменили их. С исчезновением большинства социалистических систем на рубеже 80-х и 90-х годов завершился довольно продолжительный цикл современной социально-экономической истории. Развитие современных общественных наук во многом определялось взаимодействием капитализма и социализма. В настоящем документе анализируется борьба двух систем и делаются некоторые первые выводы из опыта прошлых нескольких десятилетий.

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Стр.</u>
Исполнительное резюме	3
I. Аргументы в пользу капитализма и социализма	5
II. Сравнительный анализ двух систем	7
III. Основные периоды параллельной эволюции и взгляд друг на друга	9
IV. Институциональные механизмы и стили развития	11
V. Процесс трансформации и доктрина перехода	13
VI. Некоторые предварительные выводы	17
Справочная литература	25

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ СОЦИАЛИЗМА И КАПИТАЛИЗМА И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Бернар Шаванс

I. АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ КАПИТАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМА

Основные аргументы в пользу как капитализма, так и социализма были сформулированы еще в девятнадцатом веке. Опыт развития в двадцатом столетии позволил несколько адаптировать и подкрепить их. Сторонники капитализма, понимающие под ним систему, основанную на частной собственности, рыночных механизмах и предпринимательстве, как правило, подчеркивали эффективность и рациональность процесса капиталистического развития. По их мнению, частные интересы спонтанно начинают работать на общее благо, а конкуренция систематически повышает уровень жизни населения на долгосрочной основе. Распределение на базе рыночных механизмов в целом является справедливым, поскольку каждый в принципе получает доход пропорционально своему продуктивному вкладу. Теоретические и практические модели социализма считались экономически нерациональными и неэффективными, поскольку они разрушают институциональную и духовную основу "хорошей экономики". Кроме того, принципы социализма противоречат не только экономической, но и политической свободе.

Сторонники социализма, понимающие под ним систему общественной собственности и плановой координации экономики, зачастую пользовались для анализа исторических реалий теми же нормативными критериями, что и их оппоненты, но приходили при этом к совершенно противоположным выводам. Они рассматривали капитализм как нерациональную систему рыночной анархии, являющейся причиной большого социального расточительства и страданий (в первую очередь речь идет о кризисах и безработице). Он углубляет неравенство и работает на богатое меньшинство как в рамках отдельных капиталистических обществ, так и на уровне всей мировой капиталистической экономики. Напротив, идеальный или реальный социализм обеспечивает продуманное, плановое и рациональное развитие, устраняя такие капиталистические пороки, как периодические кризисы, расточительство и безработица; социализм обеспечивает социальное равенство и высшую форму свободы, в условиях которой единое общество является творцом своего прогресса.

Этот анализ, конечно, является весьма схематичным, поскольку для обеих школ мысли характерны свои собственные разногласия, противоречия и динамика. Однако обе

эти школы реально существовали и формировали мысль двадцатого века. Как с той, так и с другой стороны мы сталкиваемся порой с весьма далекими друг от друга подходами, а также с различиями между историческими реалиями предпочитаемой системы, которая, по признанию, была далека от совершенства или рациональности, и той идеальной моделью, которая в силу самой своей природы была призвана открыть надежный путь для будущего развития (Шаванс, 1994а).

Таким образом, соревновавшиеся между собой системы провозглашали аналогичные ценности и цели: рациональность, эффективность и справедливость на общем уровне и модернизацию, рост и повышение уровня жизни большинства на более конкретном уровне. Хотя этим ценностям придавалась неодинаковая сравнительная значимость, в целом они представляли собой нормативные критерии оценки степени совершенства экономики.

Таблица 1

Различные мнения о двух системах, основанные на схожих ценностях

<i>"Хорошая" система (капитализм и социализм)</i>	<i>"Плохая" система (социализм или капитализм)</i>
● Рациональность и общая эффективность ● Возможность устойчивого долгосрочного роста ● Потенциально достижимая социальная справедливость ● Экономическое развитие и модернизация экономических субъектов, появившихся позднее ● Гарантированная свобода (отдельных лиц или общества)	● Нерациональность и расточительство ● Нестабильность, эндогенные колебания ● Несправедливое распределение богатства и дохода или власти ● Препятствия для нормального развития, зависимость от власти ● Отсутствие истинной свободы

II. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ СИСТЕМ

A. Общие сходства и институциональные механизмы

Капитализм и социализм как экономические системы в большинстве случаев анализировались посредством выделения их противоположностей (Стернберг, 1958). Однако на общем историческом и теоретическом уровнях существовали и важные сходные черты, свидетельствовавшие о том, что в процессе своей параллельной эволюции эти две системы превратились в своего рода сестер или даже близнецов. Как капитализм, так и социализм представляют собой высоко диверсифицированные системы денежно-кредитных отношений и наемного труда, основанные на углубленном разделении труда в экономике и крупных организациях. И та и другая сталкиваются с проблемой поиска адекватных форм или режимов накопления капитала и распределения дохода. Задачи координации разделения труда в сложной монетарной экономике и регулирования отношений наемного труда, неизбежно вызывающих структурные трения в сфере производства и распределения, требуют создания адекватных и последовательных институциональных механизмов посредничества. Такие механизмы посредничества призваны обеспечивать рост и развитие - предпосылки устойчивости системы - и узаконивать общественную власть (говоря словами Вебера). Поскольку национальные экономические системы представляют собой сложное сочетание различных взаимозависимых учреждений, некоторые из которых были созданы изначально, а другие появились на свет в процессе эволюции (а чаще всего речь идет о сочетании первоначального замысла и эволюции), в динамической перспективе им требуется такое единство противоположностей, как последовательность и стабильность, с одной стороны, и гибкость и адаптируемость, с другой.

B. Некоторые оговорки

Исторический опыт развития национальных систем, принадлежащих к одному из двух конкурирующих между собой лагерей, демонстрирует, что на практике различия между ними являются не столь контрастными, как в теоретических моделях. В то время, как в одни периоды и в одних странах та или иная избранная система демонстрирует свои преимущества особенно ярко, в другие периоды или в других странах на поверхность всплывают присущие ей недостатки. Важные закономерности, выявленные в ходе сравнительного анализа развития стран, принадлежащих к одной из двух реально существующих систем, позволяют сделать вывод о том, что для каждой из них характерны одновременно как положительные, так и отрицательные тенденции, что осложняет задачу проведения объективного сравнительного экономического анализа (см. таблицу 2).

Таблица 2

Две великие исторические системы

<i>Общие особенности</i>	<i>Капитализм</i>	<i>Социализм</i>
	<i>Разделение труда, денежно-кредитные отношения, наемный труд</i>	
Политический режим	Различный (демократический или авторитарный)	Однопартийный режим на основе марксистско-ленинской идеологии (диктатура)
Преобладающие формы собственности и координации	Частная собственность Рыночная координация	Государственная собственность Вертикальная структура административной координации
Виды структурного неравновесия	Экономика изобилия (определяется спросом)	Экономика дефицита (определяется наличными ресурсами)
Основная тенденция в сфере занятости	Безработица	Дефицит рабочей силы
Режим накопления	Различный: экстенсивный, интенсивный, смешанный	Главным образом экстенсивный
Стабильность роста	Низкая, сильные колебания, экономические циклы	Низкая, сильные колебания, инвестиционные циклы
Стабильность цен	В целом низкая	В целом высокая
Технический прогресс	В целом быстрый, эндогенный	В целом медленный, зачастую в форме копирования
Степень социальной защищенности наемных работников	В целом низкая, историческая тенденция повышения степени защищенности	В целом высокая
Распределение дохода	Неравномерное	Довольно равномерное (официальный доход)
Отдача от экономического роста для потребителей	Значительная	Ограниченная
Связь национальной и международной экономики	В целом сильная	В целом ограниченная

III. ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ВЗГЛЯД ДРУГ НА ДРУГА

Великая депрессия сильно отразилась на взглядах как защитников, так и критиков капитализма. В конце 40-х годов память об "эпохе 30-х" и распространение социалистических систем на значительную часть Европы и Азии дали довольно веские основания для пессимистичных или мрачных взглядов на будущее капитализма. Кроме того, поиск путей модернизации и развития странами, которые вновь обрели независимость, лишь повысили привлекательность социалистической модели. С экономической точки зрения третий квартал столетия стал своего рода "золотым" или скорее "серебряным" веком для обеих систем, ознаменованным общим мощным ростом и структурными преобразованиями во многих странах, принадлежащих как к одному, так и к другому лагерю. В течение 60-х годов поставленная Хрущевым в 1961 году задача "догнать капитализм" была серьезно воспринята ведущими западными лидерами, и обе системы стали ориентироваться на продуктивность как критерий успеха и пропагандировать культ роста.

В этот период наглядно проявились некоторые из тех плюсов, которые сторонники каждой из идеологических школ приписывали защищаемой ими системе. В то же время в период быстрого роста ушли на второй план те экономические пороки, которые ассоциировались как с капитализмом, так и с социализмом (чего нельзя сказать о политических и геополитических тенденциях). В этот период на свет появилась оптимистическая теория конвергенции систем. Более активное вмешательство государства в сферу макроэкономического управления и развитие практики планирования на уровне гигантских компаний, с одной стороны, а также ослабление централизации и возрождение интереса к категориям денежного характера и прибыли, с другой, как утверждалось, указывали на возможность перерастания обеих систем в промежуточное и однотипное "индустриальное общество". Однако, хотя некоторым социалистическим странам и удалось провести позитивные экономические реформы, плоды реформизма в большинстве случаев оказались разочаровывающими и непродолжительными. Кроме того, непреодолимым препятствием для истинной реформы являлся политический элемент институциональной основы этих систем (хотя позднее интересным исключением из этого правила стал Китай).

Наметился процесс постепенной трансформации по практическим и теоретическим причинам от большинства догматов классической социалистической системы (Корней, 1992) и после проведения передовых экономических реформ контраст с капиталистической системой стал не столь очевидным. Стали говорить о том, что

централизованное директивное планирование натуральных показателей, позволявшее на начальном этапе быстро проводить структурные преобразования, порождает "косность" и создает препятствия для эндогенных технических и организационных изменений. Постепенно стали предприниматься попытки вновь внедрить механизм рыночной координации, вначале в качестве "инструмента" планирования, позднее для дополнения или корректировки плана и, в конечном счете, в таких передовых реформистских странах, как Венгрия, Польша и Китай, в 80-х годах традиционное централизованное планирование уступило свое место рынку. Рыночный социализм, под которым понималось сочетание государственной собственности и рыночной координации, так и не стал (за исключением Китая) реальной альтернативой, не говоря уже о его неприемлемости для большинства правящих "номенклатур". Кризис альтернативы централизованного планирования рыночной координации (Брус и Ласки, 1989 год) в конечном счете сделал несостоятельной концепцию превосходства социалистической собственности над частной. Социалистическая собственность пропагандировалась в качестве необходимой основы для обуздания конкуренции и анархии и предпосылки единообразного управления крупной национальной экономикой, построенной по принципу единого гигантского предприятия, охватывающего все общество.

Таким образом, большинство социалистических реформ так и не смогли в долгосрочном плане улучшить функционирование и повысить эффективность работы экономики. К концу 70-х годов социалистические страны Европы и Советский Союз вступили в эпоху "стагнации" (говоря словами Горбачева), в то время как капиталистические страны вступили в новую полосу глубокого кризиса, проявившегося в прекращении быстрого и довольно стабильного роста, ускорении инфляции и возврате безработицы. Вновь вспомнились забытые критические аргументы, и в обоих лагерях воцарилась неопределенность. Каждая из двух соревнующихся между собой и противостоящих друг другу систем погрузилась в свой собственный, эндогенный кризис, требовавший серьезных мер адаптации, причем эти кризисы наложились друг на друга и на международном уровне.

80-е годы ознаменовали собой реальный поворот. На западе консервативная шоковая терапия, авторами которой стали Маргарет Тетчер и Рональд Рейган, ускорила постепенный отказ от послевоенного кейнсианского компромисса и способствовала признанию необходимости проведения структурной перестройки в развивающихся странах. На Востоке структурный кризис продолжался и углублялся (за исключением Китая, проводившего постепенные реформы), а с началом проведения новой политики Горбачева стало разваливаться и все геополитическое здание советской гегемонии. В 1989-1991 годах рухнули коммунистические и политические режимы, а вместе с ними и

системная последовательность социалистической экономики. Начался открытый процесс перехода к капитализму, вызревавший в некоторых социалистических странах еще в 80-х годах.

IV. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СТИЛИ РАЗВИТИЯ

Задача "догнать и перегнать" капитализм занимала центральное место в процессе формирования и эволюции социалистических систем, иногда дополняясь националистическими мотивами, как, например, в азиатских странах (Ришкин, 1985). Эту задачу подчеркивали Ленин, Сталин, Хрущев и Мао Цзэдун. Большинство стран вступили на путь социализма, находясь на низком или промежуточном этапе экономического развития. Сторонники марксистско-ленинской идеологии утверждали, что капитализм препятствует социально-экономическому развитию и освобождению отсталых стран, в то время как социалистические учреждения и системы открывают дорогу для беспрепятственного роста, структурных изменений и повышения благосостояния.

На начальном этапе характер роста определялся преднамеренно несбалансированной стратегией со своими приоритетами: интересы промышленности ставились выше сельского хозяйства, тяжелая промышленность развивалась в ущерб легкой, а интересы производства главенствовали над потреблением (Nove, 1969). Плодом этой стратегии стали такие институты и характер поведения экономических субъектов, которые постепенно утратили свою гибкость и стали открыто противодействовать любым попыткам реформ (Шаванс, 1994b). Построение новых промышленных структур пошло по пути копирования производственных систем, типичных для предыдущих периодов капиталистической индустриализации. За четверть века после второй мировой войны в передовых капиталистических странах сформировалась совершенно иная система "фордовского типа", основанная на благотворной взаимосвязи роста производительности, инвестиций и наращивания массового производства и потребления. За фасадом сравнительно успешного развития этих двух моделей стали вызревать определенные противоречия, которые всплыли на поверхность в 70-е годы. На углубляющийся структурный кризис две системы отреагировали по-разному.

Фактический провал социалистических экономических систем носил скорее относительный, чем абсолютный характер. Его следует рассматривать на фоне тех стандартов, которые коммунистический и политический режимы определили для проведения сравнений с капитализмом ("догнать и перегнать", уровень производительности, глобальное производство и потребление). Кроме того, их окончательный крах стал результатом действия не только экономических факторов, но и

их связи с геополитическими противоречиями как в рамках социалистической системы, так и в мировом масштабе. Структурный экономический кризис 80-х годов явился лишь предпосылкой того процесса, толчком к которому послужили реформы Горбачева и в конечном счете его решение не применять советскую силу и не поддерживать репрессии в странах, где вновь стало крепнуть движение протеста против коммунистических режимов. Эти экономические предпосылки объясняют и то, что в последнее десятилетие существования восточноевропейских социалистических обществ в них, как это ни парадоксально, проявились те же самые тенденции, которые, по мнению Шумпетера (1942 год), свидетельствовали о загнивании капиталистической системы в межвоенный период: "рушащиеся стены", "выхолащивание смысла собственности", обострение критики со стороны интеллектуалов и утрата правящим классом как доверия к своей собственной системе, так и уверенности в своем будущем.

Изменения, новаторство и адаптация

Эволюция капиталистической системы основывается на постоянном процессе технических, организационных и институциональных изменений. Такие изменения иногда являются едва заметными, а иногда - быстрыми и повсеместными. На внутреннее движение капиталистической экономики указывали как Маркс, так и Шумпетер, разделявшие мнение о двойственном характере таких постоянных изменений, которые могут быть как созидательными, так и разрушительными (хотя они по-разному анализировали их причины и оценивали соотношение созидательного и разрушительного начал). Конкуренция между странами в экономической и политической сферах, а также конкуренция и социальные конфликты в рамках капиталистических государств-наций на протяжении истории играли важнейшую роль в этом "круговороте созидательного разрушения".

Создание социалистических систем явилось гигантским организационным и новаторским экспериментом, который на начальном этапе сопровождался ощутимым успехом в достижении некоторых важных задач развития, поставленных коммунистическими режимами (другие задачи, такие, как рост потребления или расширение участия населения, были преднамеренно принесены в жертву или отложены). Однако в долгосрочной перспективе их потенциал к адаптации к внутренним и внешним изменениям оказался весьма ограниченным. Все сильнее ощущалась системная "костность", объяснявшаяся "последовательностью классической системы" (Корнэй, 1992) и теми мощными препятствиями, которые "институциональная основа" (однопартийный коммунистический режим в сочетании с господством государственной собственности) ставила на пути технологической, организационной и институциональной адаптации. Эти препятствия усугублялись тем, что суверенитет этих стран, находившихся под влиянием

Советского Союза, был весьма ограниченным (Беренд, 1996). Лишь двум социалистическим странам: Югославии и Китаю, - которые вышли из-под советского влияния, удалось довольно далеко продвинуться в деле реформирования своей экономики.

V. ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ И ДОКТРИНА ПЕРЕХОДА

Постсоциалистическая трансформация началась с разрушением социалистической институциональной базы. В Центральной Европе и Советском Союзе это случилось тогда, когда рухнула ее политическая опора - однопартийный режим (Корнэй, 1998), в то время как в Азии (Китай и Вьетнам) постсоциалистическая трансформация шла постепенно по мере все большего размывания базы собственности - классической государственной собственности (Шаванс, готовится к изданию в 2000 году). Трансформация представляет собой процесс перехода национальной экономики из социалистического в капиталистический лагерь благодаря широкомасштабным институциональным и организационным изменениям. Она представляет собой преобразование одной системы в другую при сохранении общей для них основы: денежно-кредитных отношений и наемного труда. Окончание процесса параллельной эволюции двух соперничавших между собой систем чревато далеко идущими и неоднозначными последствиями для выжившего и теперь единственного капиталистического лагеря. Гонка вооружений закончилась, однако стимулы к сглаживанию социальной напряженности как в рамках капиталистических обществ, так и в мировой капиталистической экономике в целом заметно ослабли.

В бывших социалистических странах Восточной Европы и Советского Союза процесс трансформации начался в рамках конкретной доктрины перехода, взятой на вооружение новыми правительствами под давлением международных организаций и западных государств после краха остатков коммунистических идеологий. Ее важнейшими составляющими являлись господствовавшие неolibеральные теории и Вашингтонский консенсус. Стабилизация, либерализация и приватизация были названы основными задачами этого уникального исторического эксперимента. Борьба с инфляцией являлась важнейшим приоритетом, а скорость считалась залогом успеха приватизации. Примененная в Польше "шоковая терапия" стала образцом решения задач построения рыночной экономики в короткие исторические сроки (Бальцерович, 1995). Макроэкономическая стабилизация должна была обеспечить условия для возобновления роста, а либерализация и приватизация - создать необходимые стимулы для столь необходимой структурной перестройки производственных мощностей.

А. Депрессия и другие сюрпризы

С начала процесса трансформации произошли многие неожиданные события. Этого можно было ожидать с учетом масштабов и сложности таких эпохальных изменений, однако среди этих событий некоторые с точки зрения доктрины перехода явились полной неожиданностью. Во всей Восточной Европе и бывшем Советском Союзе разразился глубокий кризис: ВВП, инвестиции и объем промышленного производства стремительно падали, реальная заработная плата снижалась, инфляция достигла высокого уровня, появилась безработица, которая стала повсеместно расти (Лавинь, 1999). В тот же период в проводящих поэтапные реформы социалистических странах Азии – Китае и Вьетнаме, – которые взяли на вооружение методы, совершенно противоположные доктрине перехода, отмечались высокие и устойчивые темпы роста. В результате постсоциалистической депрессии и переходных проблем проявились многочисленные негативные тенденции. Об общем углублении социального неравенства и обострении нищеты (Колодко, 1998) говорят демографические показатели. Возросли масштабы преступности и коррупции, и стала активно развиваться параллельная экономика. Приватизация оказалась более сложной задачей, чем предполагалось, и зачастую она сопровождалась непредвиденными последствиями: государственная собственность в конечном счете оказалась гораздо более "живучей", широкое распространение получила практика приватизации "среди своих" (Увалич, Воген-Уайтхед, 1997), стали появляться сложные схемы переплетения собственности, и в первое десятилетие четкая взаимосвязь приватизации и многогранного процесса перестройки предприятий и промышленности так и не проявилась (Эстрин, 1998) (за исключением иностранной собственности, под которую в большинстве стран перешло лишь очень небольшое число бывших государственных предприятий).

С учетом столь большого числа неожиданностей, с которыми пришлось столкнуться на первом этапе преобразований, и противоречий между осуществляемыми на практике политическими мерами и их теоретическим обоснованием во второй половине 90-х годов на свет появилась несколько переработанная доктрина трансформации. В этой доктрине отчасти признаются: ошибочность игнорирования в прошлом институциональной основы, и в первую очередь законодательства и государства; важность реального роста, которого невозможно добиться лишь благодаря стабилизации денежно-кредитной системы; важность рационального управления предприятием, помимо изменения формы собственности; и роль социальных факторов в процессе системной трансформации (Всемирный банк, 1996, 1997; Зечини, 1997). На эти аспекты ранее уже указывали представители нестандартных экономических школ, и в первую очередь институционалисты, кейнсианцы, австрийцы и эволюционисты различных оттенков (например, Мюррел, 1992; Старк, 1992; Амсен, Кочанович и Тэйлор, 1994; Элман,

1994; Ноув, 1995; Итуэлл и другие, 1995; Познанский, 1995). Однако их также ожидали неожиданности, такие, как совершенно противоположные последствия шоковой терапии в Польше и Российской Федерации, важность изменения формальных правил (законодательства), возможности определенных форм холистической социальной инженерии (Элман, 1997), общее принятие трудностей трансформации населением и часто слышащаяся пропаганда постепенности, за которой скрываются попытки замедлить процесс отхода от социализма.

Тем не менее многие из этих неортодоксальных выводов нашли свое подтверждение, и в частности: зависимость от избранного пути и от социалистического наследия (Старк и Бруцт, 1998; Шаванс и Магнен, 1997); "живучесть" неформальных норм в процессе социальных изменений (Норт, 1997а); ошибочность акцента на стабилизацию денежно-кредитной системы при игнорировании эволюции реальной сферы (Делорм, 1996); важность зарождающегося сектора частных предприятий; интерес сравнительного анализа китайского опыта (Ногтон, 1996); роль построения институциональной основы; и необходимость трансформации и развития государства в противоположность неолиберальной концепции сведения к минимуму его роли.

Азиатский кризис 1997 года и российский "крах" в 1998 году дали новый импульс обсуждению стандартных политических мер и теорий, которое велось даже в рамках Бреттонвудских организаций (Стиглиц, 1998, 1999). Признавая позитивную тенденцию эволюции доктрины преобразований, не следует забывать и о присущих ей недостатках, поскольку в ее основе продолжает лежать неолиберальное начало.

В. Разнообразие траекторий трансформации

Еще одним сюрпризом и загадкой для авторов доктрины трансформации, построенной на единообразии изначальной стратегии и концепции приближения к идеальной нормативной модели "рыночной экономики", стало разительное многообразие национальных траекторий системных преобразований и развития. Хотя все бывшие социалистические страны и двигались в направлении построения капитализма, происходящие в них изменения являлись гораздо менее детерминированными и гораздо более зависимыми от избранной траектории, чем это следовало из теологической концепции "трансформации".

На промежуточном уровне абстракции между конкретными национальными процессами преобразований и эволюцией всего бывшего социалистического лагеря можно выделить три отличающиеся друг от друга траектории трансформации. На этих траекториях взаимозависимые процессы политических, институциональных,

макроэкономических и социальных изменений, как правило, подкрепляли друг друга и формировали конкретную конфигурацию кумулятивных причинно-следственных связей. В таблице 3 отражены основные характеристики этих трех траекторий: евроцентристского социал-либерализма, господствующего в Центральной Европе; кризиса государственности, типичного для бывших советских стран; и постепенно процесса преобразований при бурном росте, характерного для проводящих реформы азиатских стран. Хотя некоторые бывшие социалистические страны следуют по промежуточной между первой и второй траектории (как, например, балканские страны), анализ путей перехода к социализму позволяет проследить эти три траектории довольно четко. Попытки дать им простое объяснение на основе досоциалистического и социалистического наследия, первоначальных форм политических изменений, избранных стратегий и политики, внешнего влияния или культурных различий дают далеко не полную картину всего разнообразия путей трансформации.

Кроющиеся за многообразием национальных или региональных траекторий многочисленные причинно-следственные и обратные взаимные связи между процессами изменений, происходящих в различных сферах общества и экономики, указывают на огромную сложность системных преобразований. В этом процессе все элементы экономической системы, юридической сферы и политического режима переживают глубокие преобразования, причем при этом меняется также характер социальных различий, культурных ценностей и международных условий. Хотя все эти преобразования и происходят в сжатый исторический период продолжительностью примерно в одно десятилетие, их ритмичность или темпы различаются. Традиционная экономическая теория, построенная на анализе равновесия, вряд ли пригодна для анализа таких кумулятивных, причинно обусловленных процессов. Для понимания характера национальных, отраслевых и местных процессов изменений, ход которых зависит от избранного пути, требуется не упрощенный экономический подход, а сравнительный институциональный анализ.

Если опуститься на более дезагрегированный уровень, в ходе первого десятилетия преобразований ощутимые, а иногда и углубляющиеся различия в национальных траекториях проявляются даже между странами одной группы (Шаванс, Магнен, 1997, 1998; Элстер, Оффе и Преус, 1998). Различия в национальных и региональных процессах изменений, обуславливающих многообразие форм постсоциалистического формирующегося капитализма (Магнен, 1999), демонстрируют важную роль идиосинкразических и постоянно эволюционирующих институциональных конфигураций, представляющих собой саму суть системных преобразований.

Историческое прошлое, исходные условия, а также системная взаимозависимость и конкретные национальные институциональные механизмы объясняют, почему одни и те же институциональные реформы или преобразования или схожая политика дают в различных странах абсолютно разные результаты. Постепенная реформа, основанная на двойном ценообразовании и плановой системе, помогла китайской экономике "вырасти из плана" (Нотон, 1996), и в то же время предопределила развал советской экономики при Горбачеве (Шаванс, 1994а); программы ускоренной "крупномасштабной приватизации" в Чешской Республике и Российской Федерации привели к возникновению совершенно разных систем собственности и управления; макроэкономическая шоковая терапия дала противоположные результаты в Польше и Российской Федерации; в переживающих переходный период странах совершенно разной была судьба законодательства о банкротстве; а характер роста и эволюция распределения в различных странах и регионах имеют между собой совершенно разную связь.

Многообразие этих примеров объясняет, почему любым обобщениям относительно "трансформации" можно легко противопоставить совершенно противоположные национальные примеры. Вряд ли можно найти какие-либо абсолютные законы, регулирующие столь сложный, многогранный и противоречивый исторический процесс, однако некоторые первые исторические и теоретические уроки вынести из него все же можно.

VI. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Капитализм является единственной из современных систем, построенных на денежно-кредитных отношениях и наемном труде, которая доказала свою жизнеспособность в долгосрочном плане. Альтернативная система – социализм – смогла просуществовать не более нескольких десятилетий (Корнэй, 1992). Провал социализма является очевидным, если взглянуть на те задачи и ценности, которые провозглашались его творцами и сторонниками, и в первую очередь на цель перегнуть капитализм с точки зрения рациональности, эффективности и уровня благосостояния и в конечном счете заменить его более прогрессивной с исторической точки зрения экономической системой. Если рассматривать социализм в качестве субститута капитализма в тех странах, которые не прошли через первую промышленную революцию (Робинсон, 1960), общая картина является не столь очевидной, однако в большинстве случаев (за исключением опыта Китая, о котором говорилось выше) после первоначального сокращения экономического разрыва с капиталистическими странами, изначально находившимися примерно на аналогичном уровне развития, на протяжении последних двух или трех десятилетий жизненного цикла социалистической системы происходило лишь его углубление (Асселэн, 1999).

Таблица 3: Типичные траектории первого десятилетия постсоциалистических преобразований: сравнительный анализ

		<i>Евроцентристский социал-либерализм (Центральная Европа)</i>	<i>Кризис государственности (бывший Советский Союз)</i>	<i>Постепенная трансформация при бурном росте (Азия: Китай, Вьетнам)</i>
<i>Политические меры и государство</i>	Характер дезагрегирования институциональной базы (уход от социализма)	Неожиданный крах (разрушение политической основы)	Неожиданный крах (разрушение политической основы)	Постепенные изменения (размывание отношений собственности, идеологическая адаптация)
	Политическая эволюция	Демократическая консолидация, смена коалиций	Мнимая демократия	Авторитаризм (однопартийность) с элементами неформального плюрализма
	Авторитет государства	Довольно прочный	Слабый	Довольно прочный
	Административный и налоговый потенциал государства	Довольно мощный	Слабый	Довольно мощный
	Коррупция, преступность	Ширяющаяся, но по-прежнему ограниченная	Высокая	Значительная
<i>Институциональные и организационные изменения</i>	Региональная дифференциация	Ограниченная (малые страны)	Очень высокая, тенденция к фрагментации	Высокая, но без фрагментации
	Институциональные изменения (новые формальные правила, законодательство)	Широкомасштабные и быстрые изменения; жесткие, но довольно нестабильные нормы	Широкомасштабные и быстрые; отсутствие твердых норм, которые к тому же являются очень нестабильными	Широкомасштабные, но постепенные; нормы средней степени жесткости, применяемые без формализма
	Приватизация экономики (приватизация государственных активов; рост новых частных предприятий)	Довольно быстрая и хорошо организованная	Быстрая и сильно извращенная	Постепенная, без "крупномасштабной приватизации" государственных активов

		<i>Евроцентристский социал-либерализм (Центральная Европа)</i>	<i>Кризис государственности (бывший Советский Союз)</i>	<i>Постепенная трансформация при бурном росте (Азия: Китай, Вьетнам)</i>
<i>Макроэкономические тенденции</i>	Зарождающиеся формы собственности	Многочисленные формы: "инсайдерная" собственность, инвестиционные фонды, банки, государство. Частое взаимное переплетение собственности, расплывчатые имущественные права	"Инсайдерная" собственность, промышленно-финансовые группы	Широкое распространение "негосударственных", но и нечисто частных форм собственности, расплывчатые границы между частной и государственной собственностью
	Организационные изменения	Бурный рост частных МСП (зачастую микропредприятий), перестройка бывших ГП	Ограниченный рост сектора МСП, медленная структурная перестройка бывших ГП	Бурный рост "негосударственных" МСП, медленная структурная перестройка бывших ГП
	Сети связей	Измененные и трансформированные в новых условиях	"Живучие" старые сети, расширение роли механизма координации	Измененные, но играющие важную роль в формирующихся капиталистических структурах
	Рост	Первоначальный примерно трехлетний спад сменился довольно слабым, но устойчивым ростом	Продолжительный спад (сокращение ВВП в общей сложности примерно на 50%)	Высокий и продолжительный рост
	Безработица	Быстрый первоначальный рост при последующей стабилизации на "окологоевропейском" уровне	Низкая зарегистрированная безработица (при более высоком фактическом уровне: 10-15%), при тенденции роста	Высокий фактический уровень
		Быстрый первоначальный рост цен при последующем замедлении инфляции, остающейся сравнительно высокой	Затяжная мегаинфляция при последующем снижении до нестабильного уровня. Высокая доля бартерных экономических операций	Промежуточные инфляционные тенденции

		<i>Евроцентристский социал-либерализм (Центральная Европа)</i>	<i>Кризис государственности (бывший Советский Союз)</i>	<i>Постепенная трансформация при бурном росте (Азия: Китай, Вьетнам)</i>
<i>Социальные тенденции</i>	Открытие перед международной экономикой	Быстрая переориентация торговли на Запад (главным образом на ЕС). Крупные ПИИ в обрабатывающую промышленность, размещаемые главным образом в передовых странах	Сильное влияние спада на внешнюю торговлю. Низкий уровень ПИИ, размещаемых главным образом в энергетическом секторе	Постепенная, но активная либерализация, мощный рост внешней торговли. Высокий уровень ПИИ в обрабатывающую промышленность
	Неравенство, нищета	Заметное обострение неравенства и нищеты на начальном этапе трансформации, впоследствии сравнительное улучшение положения	Резкое обострение неравенства, высокий уровень нищеты	Обострение неравенства, снижение масштабов абсолютной нищеты
	Демография	Снижение рождаемости, повышение заболеваемости (в большинстве случаев ухудшение также ИСР)	Снижение рождаемости, повышение заболеваемости, резкий рост смертности, снижение средней продолжительности жизни (ухудшение ИСР)	(Улучшение ИСР)
	Социальная защита наемных работников	"Социализированная" (выведенная из ведения предприятий). Значительный уровень защищенности при тенденции снижения	По-прежнему частично находится в ведении крупных предприятий. Низкий уровень защищенности	В ведении крупных предприятий при тенденции постепенной централизации. Низкий уровень защищенности
	Отношения между политической и экономической элитой	Дифференциация	Активное переплетение	Переплетение, частичная дифференциация

Примечания:

- МСП – малые и средние предприятия.
- ГП – государственные предприятия.
- ПИИ – прямые иностранные инвестиции.
- ИСР – индекс социального развития.

Системы, построенные на денежно-кредитных отношениях и на наемном труде, как правило, постоянно сталкиваются с необходимостью эволюции и преобразований, вызываемой теми противоречиями, которые появляются в процессе накопления и развития; попытки временно решить эти проблемы при помощи эндогенных мер, копирования организационных и институциональных реформ или новаторства могут оказаться как результативными, так и безуспешными. Такие проблемы особенно обостряются в периоды структурных кризисов, а на протяжении сравнительно ограниченных периодов устойчивого и регулируемого роста они принимают скрытую форму. В последние два столетия лагерь национальных капиталистических систем пережил три или четыре структурных кризиса; в то же время большинство стран социалистического лагеря не смогли найти пути выхода из структурного кризиса 80-х годов. Любой глубокий кризис для институциональных и организационных структур по сути является кризисом *адаптации*, и это означает, что на протяжении двадцатого столетия двум системным лагерям по сути приходилось адаптироваться к самому процессу их параллельного развития.

Двойственный характер развития капитализма, на который указывали его теоретики, в целом подтверждается историческим опытом: эта система объединяет в себе позитивное и негативное, созидательное и разрушительное, благотворное и пагубное начала, причем сравнительная значимость этих начал в разные времена и в разных национальных и международных контекстах является неодинаковой. История подтвердила некоторые (но, безусловно, не все) системные пороки, присущие капитализму как экономической системе, на которые указывали его критики или которые вскрылись благодаря общественным процессам XIX века, - главным образом нестабильность, безработицу и неравенство. Кейнс (1926), а в последнее время и Корнэй (1997) рассматривали капитализм с точки зрения неизбежности дилемм и необходимости поиска компромиссов между противоположными ценностями. Пока лучше других капитализм удалось охарактеризовать Кейнсу, который в своем определении объединил критерии эффективности с нормативной оценкой: "Со своей стороны, я считаю, что при правильном управлении капитализм, по всей видимости, может более эффективно решать экономические задачи, чем любая из предлагаемых альтернативных систем, однако это утверждение само по себе во многом является спорным. Наша проблема заключается в том, чтобы создать такую социальную организацию, которая была бы максимально эффективной и в то же время не противоречила бы нашим представлениям об удовлетворительном образе жизни" (Кейнс, 1926: 294). В конце столетия, которое принесло с собой не только впечатляющий прогресс, но и беспрецедентные людские жертвы и страдания, такой подход представляется более мудрым, чем "триумф капитализма" (Уайлс, 1992), особенно в ту эпоху, когда соревнование с социализмом осталось в прошлом.

Среди общих уроков можно выделить важность исторического и современного разнообразия национально-экономических систем и траекторий в каждой из великих систем, а также в процессе перехода из социалистического лагеря в капиталистический (Шаванс и Магнен, 1998). Международные и транснациональные отношения играют важную роль, которая в период новейшей истории, безусловно, возрастает. Однако конкретные формы капитализма сформировались и функционировали именно на уровне национальных институциональных механизмов, поскольку государство, политика и отношения наемного труда, все они имеют под собой национальную основу (Бояр, 1999). На протяжении длительных периодов сосуществуют различные формы капиталистической экономики, появляются ее новые разновидности, и нет никаких оснований ожидать их перерастания в абсолютную оптимальную или (субоптимальную) гипотетическую модель, даже в период "глобализации", когда взаимозависимость между государствами-нациями начинает проявляться в мировом масштабе (Бергер и Доур, 1996).

Поиск универсальных, но зачастую противоречивых ценностей современности (свобода, равенство, рациональность, эффективность и солидарность) будет вестись и дальше. Это будет поиск различных форм капитализма, применимых к различным социально-историческим рамкам, представляющий собой процесс бесконечной адаптации под влиянием "внутреннего движения", присущего капитализму как экономической системе.

Рынок, государство и зависимость от выбранного пути

С прекращением существования социалистических систем еще более окрепла концепция "рыночной экономики", лежащая в основе неоклассических традиций и точно описывающая характер современных развитых систем. В основе этих традиций лежит модель обмена, показатель реальной цены, концепция равновесия и понятие эффективности распределения ресурсов; они подчеркивают общие элементы или конвергенцию национальной экономики различных стран, особенно в недавний исторический период; в основе определения системы лежит тип координации, а именно рынок (Бойер, 1997). Однако, как это не удивительно, великие экономисты или историки, проповедовавшие разные теории капитализма, такие, как Маркс, Шумпетер, Кейнс, Полани (1944), Браудель (1979), - все они противопоставляли капитализм как концепцию ее реальному или нормативному воплощению в рыночной экономике. С этой точки зрения видное место отводится производству и процессу изменений, источником которых являются противоречия или конфликты; эффективность адаптации выходит на первый план; подчеркивается роль институтов и истории, а многообразие национальных

траекторий ставится под сомнение; и сама система определяется монетарной категорией – капиталом. Современная история лишь подтверждает все большую актуальность таких альтернативных подходов.

Разительные контрасты между российской траекторией трансформации теми путями, по которым идут центральноевропейские и азиатские страны, позволяют сделать ряд теоретических выводов в отношении роли государства, зависимости от избранного пути и необратимости системных преобразований. Общее ослабление мощи государства и доверия к нему в Российской Федерации ускорилося в связи с очень поспешным проведением коррумпированной программы приватизации; целенаправленной политикой резкого сокращения бюджетных ассигнований в период глубокого кризиса, следствием которого стало накопление задолженности по заработной плате и другим расчетам в государственном секторе, подорвавшее всю систему налогообложения и ускорившее демонетизацию и фрагментацию экономики; такими схемами, как проведенная в 1996 году операция "кредиты в обмен на акции", которая еще более укрепила влияние олигархических групп, объединяющих финансовые и промышленные интересы со средствами массовой информации, над правительством и экономикой; а также ускоренной либерализацией финансовых рынков в условиях слаборазвитой банковской системы и обостряющегося системного риска (Сапир, 1998). Под влиянием всех этих причинно-следственных связей взаимозависимые изменения на уровне формальных и неформальных институтов и поведения субъектов пошли по порочному замкнутому кругу, который стал типичным для постсоветской траектории развития. С другой стороны, в Центральной Европе многим государствам удалось преобразовать и перестроить свой потенциал. Это явилось решающим шагом в деле налаживания весьма неустойчивого, но в конечном счете позитивного кумулятивного процесса системных преобразований и роста (Сгард, 1997; Колодко и Нути, 1997). Свою роль в этом, безусловно, сыграла демократическая консолидация и перспективы вступления в ЕС. В то же время китайская траектория, где эти факторы отсутствуют, также указывает на решающую роль государственного потенциала в деле обеспечения благотворного роста, сопровождавшего постепенный и неравномерный процесс институциональных реформ на протяжении двух десятилетий (примерами которых являются сельскохозяйственные реформы, политика открытых дверей, переходный двойной режим в промышленности и изменения в бюджетно-финансовой системе – Шаванс, готовится к изданию в 2000 году).

Зависимость от избранного пути в ходе постсоциалистической трансформации говорит о том, что большинство стран, - и на это указывают результаты институционального анализа, - продолжают и еще в течение некоторого времени будут продолжать ощущать на себе наследие социалистических институтов и стереотипов поведения. Однако влияние и последствия такого наследия в разных областях и обществах проявляются совершенно по-разному, причем в процессе системных

преобразований оно также переживает трансформацию. Хотя инертность неформальных правил зачастую и недооценивается (Норт, 1997b), эти правила в зависимости от контекста иногда также претерпевают очень быстрые изменения в лучшую или худшую сторону. Таким образом, динамическая взаимосвязь меняющихся формальных и неформальных правил является очень сложной и зависит от конкретного контекста, причем в интерактивном процессе эволюции вскрываются многие конкретные стереотипы поведения экономических субъектов в различных секторах, регионах и обществах. Изменение правил в целом - институциональных и организационных, конституционных и обычных, формальных и неформальных, - представляет собой суть системных преобразований; отсюда вытекает решающая роль законодательства и государства в этом процессе. Однако связь между формирующимся и развивающимся комплексом взаимозависимых правил и общим процессом социально-экономического развития является довольно неравномерной, свидетельством чему является вышеупомянутое многообразие национальных траекторий. Сравнительный институциональный и системный анализ остается единственным путем, позволяющим изучать вопрос такого многообразия и делать первые выводы из истории.

Десятилетие постсоциалистической трансформации стало широкомасштабным историческим экспериментом, в ходе которого теория и политика проходили испытание, во многих случаях довольно суровое. Процесс трансформации еще не завершился, однако он уже вступил в новый этап, на котором такая трансформация становится непосредственной составной частью общей задачи изменения характера экономического развития в условиях дальнейшей глобализации и углубления неравенства на планете.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

